

ВЛАДИСЛАВ КУЧЕРЕНКО

Мечты мертвых

УЗНАЙ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Владислав Кучеренко
Мечты мертвых. Узнай
свое предназначение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120524
ISBN 9785448517914*

Аннотация

Что произойдет после вашей смерти? Я, конечно, очень люблю жизнь, но объективно смотрю на вещи. У каждого свой срок, и не у всех он подразумевает кончину на рубеже ста лет у камина, в любимом кресле-качалке. Что, если завтра произойдет несчастный случай? Куда вы попадете? Эта история человека, который живет после смерти среди нас и, возможно, сидит сейчас с вами за одним столом, пока вы уплетаете очередную отбивную. Что призрак делает в мире людей? Какие тайны ему предстоит узнать? Ответы рядом...

Содержание

Глава 1. Ева	5
Глава 2. Похороны	13
Глава 3. Моцарт	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мечты мертвых

Узнай свое предназначение

Владислав Кучеренко

*Призраки водятся везде. Мы носим их с собой,
куда бы ни отправились.
Джордж Мартин*

© Владислав Кучеренко, 2017

ISBN 978-5-4485-1791-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ева

Это случилось недавно.

Буквально вчера я со своими друзьями встречал Новый год. Надо сказать, что год уходящий, как и предыдущие двадцать три года моей жизни, так ничего нового мне и не принес. Я по-прежнему был одинок, не имел стабильной работы, а все мои попытки как-то изменить свою жизнь были обречены на провал. Не то чтобы мне не везло, просто-напросто я сам пребывал в состоянии полной отчужденности от каких-либо перемен. Для меня было дико кого-то полюбить, потому что девушек я повидал разных и в большом количестве. Все они были одинаково накрашены, чересчур принципиальны и куда более склонны идеализировать всё и всех, включая себя.

Последствия веселой ночи не заставили себя долго ждать, поэтому я как можно скорее решил покинуть квартиру моего друга Славы и пошел в сторону пустынной трамвайной остановки.

Забавно наблюдать огромный город абсолютно безлюдным. Все так яростно отмечают завершение года уходящего, что первый день года нового они полностью пропускают.

Отгремевшие ночные салюты валяются под ногами, бутылка шампанского торчит в снегу. Одним словом, всё указывает на то, что праздник окончился.

Подходя к остановке, я заметил сидящую на ней девушку. Она то и дело потирала свои промерзшие от холода руки. Ее лицо отражало незыблемое спокойствие, простоту взгляда, а глубокие синие глаза напоминали бездну самых чистых океанов. В голове мелькнуло что-то вроде «А она симпатичная, познакомься!». Я присел рядом на холодную скамейку.

Странно было видеть ее здесь в такую рань хотя бы потому, что с виду она казалась мне особой, которую должны возить только на личном автомобиле.

Я сотни раз знакомился с девушками и никогда не сомневался в правильности своего поведения с ними. Обычные замысленные фразы, уверенность в голосе и доля обаяния никогда меня не подводили. Теперь же я чувствовал себя как глупый восьмиклассник, которого охватил первобытный страх первого разговора. Всё, что я смог выдавить из себя, звучало достаточно скупое и банально:

– С Новым годом вас!

Девушка взглянула на меня с неприкрытым удивлением и произнесла уже изначально понятный ответ:

– Спасибо, вас тоже с Новым годом.

Началась минута монотонного молчания. Я чувствовал, что нужно начать говорить, но слова, как рыбная кость, застревали в горле. Внезапно она сказала:

– Вы первый парень в этом году, который пытается со мной познакомиться.

– Да? Ну тогда вы первая девушка в этом году, с которой

я знакомлюсь.

Она засмеялась...

Я протянул к ней руку и сказал:

– Меня зовут Артем, а как вас?

– А с чего вы решили, что я хочу с вами знакомиться?

Может быть, вы не в моем вкусе.

– Знаете, вкус меняется на протяжении всей жизни. В действительности даже кошка может полюбить пса.

– Может, и так. Но это как-то странно, и вы очень странный.

– Это вас пугает?

– Нисколько. Меня зовут Ева. Мне даже стало интересно, что же вы скажете дальше?

Этими словами она застала меня врасплох, но в голове тут же мелькнула мысль о контратাকে.

– Давайте встретимся с вами завтра?

– Мне казалось, обычно узнают, есть ли у девушки парень, – спокойно ответила она.

– Даже если у вас есть парень, вам нужно его бросить!

– Это почему же?

– Он должен сидеть сейчас рядом с вами, на вот этой самой остановке. Потом проводить вас домой. Пока я его присутствия здесь не ощущаю.

– Ну он ведь не может постоянно находиться рядом. Люди должны отдыхать друг от друга иногда.

– А вы его любите? – спросил я, переполненный решени-

тельности получить ответ.

– Кого? – изумилась она, как будто до этого речь шла о чем-то другом.

– Вашего парня, кого же еще.

– А разве я сказала, что он у меня есть?

– Нет, не сказали. Выходит, вы все-таки свободны, Ева?

– Выходит, что свободна...

– Это к лучшему, теперь вам никто не помешает сходить со мной на свидание, – уже полностью набравшись решимости, произнес я.

– Свидание? Я вас едва знаю, почему я должна пойти на него?

– Вы ничего не должны, просто мне хочется увидеть вас снова.

Она немного помолчала и улыбнувшись ответила:

– Завтра я буду петь на благотворительном концерте, приходите и вы, там и встретимся.

– Отлично, только оставьте мне свой номер, чтобы я мог вам позвонить завтра. А у вас нет ручки, случайно?

– А у вас нет телефона?

– Есть, только он сел этой ночью. Поздравлял большое количество знакомых.

Она достала ручку из своей черной сумки, но листка в ней не оказалось. Тогда я предложил взамен свою руку, и Ева почти что каллиграфическим почерком вывела заветные одиннадцать цифр на моем запястье.

В тот же момент, скрипя старыми колесами, подъехал красный трамвай. Девушка встала с холодной серой скамьи, взяла свою сумку и шагнула в пустой вагон.

– Я обязательно приду. До свидания, – сказал я голосом решительным и слегка веселым.

С моими словами закрылась дверь в вагоне. Я видел, как она махнула мне рукой, и шумный красный трамвай унес ее в неизвестном направлении.

«Какое-то странное чувство», – подумал я. За многие годы одиночества мне, наверное, впервые хотелось поднять на уши весь город и отыскать эту девушку.

Январское утро на глазах поменяло свои краски, и, не дожидаясь трамвая, надев наушники и натянув капюшон, я решил прогуляться до дома пешком.

Улицы были по-прежнему пусты. По дорогам проносились редкие машины такси в погоне за двойной оплатой. Промерзший снег хрустел под ногами, как спина старого дедушки на приеме у массажиста. Мне уже не хотелось спать. Надышавшись кислородом, я чувствовал себя достаточно бодрым и всё не мог выбросить из головы разговор, состоявшийся минут двадцать тому назад.

Путь домой пролегал мимо прокуренного бара, в котором я когда-то провел не одну ночь. Обычно в этом месте собиралось много моих знакомых, а сейчас всё изменилось. Все стали обзаводиться женами, детьми и кредитами, куда им до частых встреч со старыми друзьями. Сегодня утром толь-

ко черный кот сидел на крыльце забытой забегаловки. Завидев меня, он, словно бешеный, пустился в бега и, перебежав мне дорогу, скрылся из виду.

«Чертов котяра!» – крикнул я. Решил, что все суеверия – это лишь плод больного воображения, и ноги сами понесли меня дальше по улице.

Взгляд то и дело бросался на расписанную руку. Может быть, это она – та самая? Может, желание, загаданное прошлой ночью, уже начало сбываться? Но мой внутренний голос по-прежнему твердил, что нельзя вести себя как наивный подросток при виде девочки, понравившейся на школьном вечере.

Оставляя позади квартал за кварталом, я подошел к широкому перекрестку. На другой стороне уже виднелась крыша моего дома. Светофор показывал зеленый, и я уверенным шагом побрел по белым полосам на сыром асфальте.

Не помню, о чем была моя последняя мысль перед случившимся. Может быть, о теплой постели, которая ждала меня в моем «унылом замке», или о собаке, которую я решил наконец завести, а может, мне всё еще думалось о девушке, с которой я увижусь завтра.

Дальнейшие события напомнили мне резкую остановку поезда. Как будто кто-то решил пошутить и дернул стоп-кран. Пьяный водитель перепутал красный с зеленым и сбил меня, как шар для боулинга всей своей мощью сбивает последнюю кеглю.

Острая боль ощущалась по всему телу, я лежал на перекрестке и не мог пошевелиться. Мой мозг работал, но тело больше не подчинялось приказам. Я слышал, как машина, налетевшая на меня, заревела всей силой своего бензинового мотора и в тот же момент стала удаляться куда-то в небытие. А я все лежал и смотрел на небо...

Сколько прошло времени, прежде чем меня отвезли в больницу, я не знаю. Знаю лишь, что в приемной не было ни одного врача, который бы мог мне помочь. Врачи такие же люди, пусть и обремененные клятвой Гиппократа.

– Не вовремя ты решил умирать, – донесся голос санитарки.

Я потихоньку начал проваливаться в туман. Моя боль стихла, и теперь никакие шумы и голоса мне уже не были слышны. Не было ни света в конце тоннеля, ни яркой вспышки. Просто густой мягкий туман.

«Неужели это всё? – подумал я. – Где тот, кого мы называем богом? Где рай, где ад, в конце концов?» Но ничто не могло нарушить гробовую тишину, царившую в этом незнакомом мне месте.

Внезапно я стал различать странные силуэты. Мрачная серая тень встала в этом тумане прямо передо мной. Я что-то говорил, но изо рта не вырвалось ни единого слова. Затем этот фантом стал указывать полупрозрачной рукой в противоположную мне сторону. Медленно мое тело стало разворачиваться, как крутящаяся сцена старого театра. Странный

силуэт теперь оказался позади меня, а я увидел пустую белую стену, на которой висели огромные часы всего с одной стрелой, указывающей на единственную цифру «один».

«Что значит эта цифра?» – подумал я и в ту же секунду оказался в палате рядом с кроватью, на которой лежало мое тело. Вокруг меня стояли пошатывающиеся от похмелья врачи, прибор, фиксирующий пульс, громко пищал.

– Разряд! Еще разряд!

Ток сокращал мои мышцы, и казалось, еще немного – и я снова очнусь в своем бездыханном теле. Но после долгих попыток один из врачей сказал: «Жаль его, совсем молодой».

Никто не ощущал моего присутствия. Я кричал, что жив и это ошибка, а медсестра накрыла меня больничной простыней, посмотрела на время, и в 12 часов 23 минуты я официально умер для всего мира.

Глава 2. Похороны

Врачи и медсестры сняли свои окровавленные перчатки, бросив их в больничную урну, и поспешили отправиться для продолжения своего похмельного банкета.

«Теперь можно и покурить, господа», – хриплым голосом произнес молодой хирург, мельком взглянув на простыню.

Все вышли из палаты. Я остался один, наедине со своим бездыханным телом.

«Что со мной? Я умер? Или это просто сон, и через минуту солнечный свет разрежет темноту моей спальни, и я проснусь в холодном поту?»

Первое, что пришло на ум, – это ущипнуть себя как можно больнее, но боли я не почувствовал. Мои руки совсем как живые, только они не ощущали ни тепла, ни холода.

«Да что это за чертовщина! Проснись! Проснись, идиот!» – закричал я, взявшись за свою голову. Если это и правда сон, то я должен сорвать эту простыню, может, тогда мне удастся очнуться. Я решительно подошел к столу. Белая ткань была очень плотной, казалось, это снег так аккуратно окутал вспаханное сырое поле. Одним резким движением руки все мои надежды отправились коту под хвост. Словно в тех фильмах о призраках, которые меня так увлекали по вечерам, моя кисть прошла сквозь простыню, ни грамма ее не сдвинув.

«Не может быть, – прошептал я, опустившись на пол у кровати, – умер, я правда умер».

Тишина звенела в ушах, мысли бросали меня в воспоминания недавнего прошлого. Это был конец... Конец всему, что я любил и ненавидел.

В комнату вошли два санитар в зеленых халатах. Крепкие ребята, малость небритые и с мрачными лицами, но работу свою знают. Один был довольно высоким, как старый дуб, а другой пониже и толстоват. Мне даже показалось, что и на том свете я почувствовал запах их перегара, но, приняв хавшись, понял, что обоняния больше у меня нет. Они быстро переложили мое тело на каталку и покатали ее по больничному коридору. Я следовал за ними, проходя сквозь двери, стены и даже идущих навстречу врачей и пациентов.

Санитары тем временем завели разговор о прошлой ночи:
– Ты видел, какие формы у Лены из хирургического? – произнес с восторгом толстый. – Я бы на такой женился не раздумывая.

– А ты видел, на какой машине ее на работу привозят? Кто-то явно уже эти формы для себя присмотрел, – сказал длинный, не скрывая ехидную улыбку. – Ты разве что на этой каталке можешь к ней подкатить, она оценит.

– Мда, любишь ты вечно всё дерьмом обмазать. Даже помечтать не даешь толком.

– Кати уже, мечтатель. Трупы сами себя не отвезут. Они замолчали, я по-прежнему брел за ними. Не знаю по-

чему, но мне казалось, что я должен оставаться рядом со своим телом.

Наконец мы подошли к двери в конце одного из коридоров. На ней висела табличка, на которой крупными буквами было написано «МОРГ». Страшное место, в котором я нескоро хотел очутиться, но сейчас именно там и оказался.

Поразительная чистота и спокойствие царили в этом безжизненном месте. Естественно, ведь мертвые не особо увлечены болтовней и не сбрасывают мусор на пол. Вокруг были такие же каталки с белыми покрывалами, сквозь которые вырисовывались силуэты моих коллег по несчастью.

Санитары сняли простыню и начали что-то разглядывать. Я подошел ближе и сразу понял, что так привлекло их внимание. Они искали цепочки, перстни и прочие дорогие вещи, которые обычно покойники уносят с собой.

– Ты посмотри, всего одна цепочка. Ладно хоть золотая, а не серебряная, – с ухмылкой сказал толстяк.

Этот санитар был явно шестеркой в их парочке, так как второй усмеялся над ним по пути в морг. А сейчас он сказал:

– А ну, отдай сюда, гнида, ты мне еще долг не вернул! И повесь ему бирку наконец.

Толстый поспешил ему повиноваться, ну а я же пару раз рефлекторно махнул по морде их обоих, но они, естественно, ничего не почувствовали.

«Вот суки!» – рявкнул я и проводил взглядом уходящих

санитаров.

В морге, наверное, было холодно, но теперь мне было всё равно. Теперь мне казалось, что бессмысленно сидеть у своего бездыханного тела, и я решил выйти на улицу. Когда проходил сквозь дверь, мне на глаза попала одна маленькая деталь. Номер телефона. Тот самый номер, который написала мне Ева пару часов назад, по-прежнему оставался на моей руке, как призрачная татуировка. Печально было осознавать, что теперь у меня не будет шанса ей позвонить.

Подходя к приемному отделению, я услышал знакомый голос. У справочной стояла моя плачущая мать, а рядом с ней и отец. В кармане моей куртки лежал паспорт. Наверное, именно благодаря ему смогли найти моих родителей.

«Я здесь, мам! Не плачь!» – казалось бы, громко крикнул я, подходя к ним всё ближе, но мой возглас так и остался неслышанным.

Мои родители были простыми людьми, и я с раннего детства старался добывать деньги самостоятельно. К двадцати трем годам практически их не навещал и не звонил. Только сейчас, стоя перед ними в полной беспомощности, я понял, что был абсолютным эгоистом.

Тем временем к справочной быстрым шагом подошел врач.

– Соболезную вашей потере. Травмы вашего сына были просто несовместимы с жизнью, – сказал он.

– Где мой сын? – судорожно произнес отец.

– Мы поместили его в морг. Вы готовы провести опознание?

– Да, мы готовы.

– Тогда следуйте за мной.

В следующий час происходила долгая и тяжелая процедура опознания. Мать несколько раз падала в обморок, а у отца даже прихватило сердце. В больнице к тому времени появились люди в форме, они-то и рассказали, что виновник ДТП скрылся с места преступления и свидетелей, видевших, как всё произошло, пока не нашли.

Я стоял за спинами родителей и слушал внимательно, что говорил следователь. Пытаясь прокрутить тот миг в голове, я так и не вспомнил ни номер машины, ни даже ее цвет. Если бы не наушники и накинутый капюшон, возможно, я бы среагировал на звук и успел спастись. Но всё вышло иначе.

Убитые горем родители дали свои показания. Хотя что они могли рассказать? Мы ведь почти месяц до сегодняшнего дня не виделись.

Уладив все вопросы в больнице, предстояло готовиться к похоронам. Я решил, что поеду домой вместе с ними. В дом, где я вырос и где давно стал редким гостем. Родители сели назад в подъехавшее такси, а я прошел сквозь пассажирскую дверь и сел рядом с водителем. Мать по-прежнему плакала, а отец ее успокаивал.

Знали бы они, что их сын сейчас сидит перед ними, что он так сожалеет и хочет попросить прощения за всё. Зна-

ли бы они...

Наконец мы подъехали к нашему дому. На пороге уже сидел мой друг Слава. По всей видимости, мама позвонила ему в первую очередь, чтобы узнать, не ошиблись ли в больнице. Слава не мог поверить, он, словно сумасшедший, повторял, что буквально этим утром видел меня живым и здоровым.

«Не может быть... Этого просто не может быть», – говорил он.

Похороны были назначены на следующий день. Отец сообщил всем родственникам, а Слава обзванивал друзей. К вечеру в моем доме собралось огромное количество людей, и все они пришли, чтобы помочь родителям и поддержать их.

Меня даже удивило, что очень многие оказались ко мне равнодушны, но при жизни я этого внимания от них не замечал или просто не придавал этому значения. Я умел объединять людей вокруг себя, но не умел их по-настоящему ценить. А сейчас, смотря на это всё со стороны, мне в очередной раз было стыдно. Удивительно, что даже мертвым я не утратил этого качества.

Ночь была, как никогда, беспокойная. В комнате матери постоянно слышался плач. Отец сидел на кухне держа в руках мою детскую фотографию и заливал горе холодной водкой. Я присел рядом с ним, и мы просто молчали. Пару раз он посмотрел в мою сторону, словно стал различать мой силуэт через призму опьянения, но это был всего лишь само-

обман. Выпив бутылку до дна, он так и уснул сидя за столом. Мать тоже больше не плакала, и я остался один на один с пустотой, которая в этот вечер наполнила мой дом.

Лунный свет проникал сквозь окна, и казалось, время остановилось, чтобы отдышаться от событий, которые сегодня происходили. Я бродил по дому, как старый пес на цепи. В голове то и дело возникали самые главные вопросы: «Что означают эти часы? Есть ли еще такие, как я? И что делать дальше?»

Утро наступило незаметно. В шесть часов позвонили в дверь. К ней подошла мама, она уже успела облачиться во всё черное. Первыми, кто приехал, были мои дядя с тетей. Они обняли маму и, сдерживаясь от слез, сразу принялись помогать в приготовлениях к похоронам. Я же всё время находился у входной двери и здоровался со всеми, кто в дальнейшем приходил в наш дом.

Мне было неважно, что со мной никто не поздороваётся в ответ. Зато было интересно увидеть лица всех, кто придет меня проводить. Слава справился со своей задачей отлично, и вскоре дом наполнили самые близкие друзья и давние знакомые. Половина из них были девушки, с противоположным полом у меня всегда складывались доверительные отношения, просто потому что я умел их слушать. Кстати, это одна из важнейших составляющих, благодаря которой я всегда превосходил всех своих конкурентов.

Все были чем-то заняты. Отец грамотно распределял обя-

занности, а в десять часов подъехал черный катафалк, в котором и находилось мое побледневшее тело. Насколько я знаю, прежде чем вереница машин отправляется к кладбищу вслед за катафалком, по нашим обычаям, умершего должны выносить из дома.

Гроб был закрыт, когда его заносили в гостиную, а затем крышку снял отец, и наступило мое последнее появление на публике. На мне был черный смокинг с галстуком. Я всегда любил галстуки, и вот теперь галстук висел у меня на шее, как срезанная веревка на повешенном.

Я смотрел на себя, лежащего в этой деревянной коробочке, обтянутой красным бархатом, и по-прежнему не верил, что такое произошло именно со мной. Не верили и все собравшиеся. Выплакав все слезы, мать села напротив гроба и тихо шептала молитву. Первым подошел мой дядя, он аккуратно надел мне на лоб траурную ленту и немного подержал мою руку. Затем стали подходить друзья.

Слава наклонился над моим телом и прошептал на ухо: «Мы обязательно отомстим».

Под словом «мы» он имел в виду нашу банду, в которой с детства состояло четыре человека. Я был заводилой, Слава эдаким мощным танком из-за сбитого телосложения, Костя был мозгом в нашей компании, а Ванек просто всех веселил и всегда умудрялся извлечь выгоду из любых ситуаций. Вся моя банда сегодня приехала проводить меня в последний путь.

Девушки стояли в стороне, только одна Настя, человек, с которым я всегда мог поговорить по душам, подошла к гробу и молча простояла так минут пять. С Настей я всегда был близок, частенько ночевал у нее и спал с ней в одной постели, но никогда не позволял себе лишнего. Если бы у меня была сестра, возможно, она была бы на нее похожа. Мне было жаль Настю, она любила одного парня, даже дождалась его из армии, а тот изменял ей направо и налево, и каждый раз Настя его прощала. Глупая любовь порой ослепляет, и зрение может не вернуться уже никогда.

В час дня всё было готово. Небо было закрыто облаками, и суровый январский минус сулил быстрые похороны. Гроб снова погрузили в катафалк. Я запрыгнул в машину отца, уже привычно скользнув сквозь пассажирскую дверь, и колонна из восемнадцати машин двинулась в сторону кладбища.

К могиле гроб принято нести на руках. За эту задачу взялись Слава, Ванек, Костя и еще один мой близкий друг Андрей.

Андрей был моей полной противоположностью. Мы были ровесниками, и я уже успел погулять на его свадьбе и окрестить его сына. Его жена Аня, красивая и очень добрая девушка, тоже была среди пришедших на мою панихиду. Теперь-то я понимаю, кто из нас всё вовремя сделал.

Гроб поставили перед вырытой могилой, крышка по-прежнему была открыта. И теперь уже каждый считал своим

долгом подойти и попрощаться со мной, пока земля не поглотила мое тело в своих промерзших недрах. Больше всего мне было жаль родителей, я ведь был их единственным сыном, который так и не оправдал их надежд. Мама снова плакала, но отец держался молодцом. Он, как мог, сдерживал себя и следил за ней, чтобы та не натворила глупостей.

Из-за плохой погоды прощания быстро подошли к концу, крышка гроба стала плавно закрываться у меня на глазах, забирая с собой последний блик дневного света на моем неживом теле. Через минуту землекопы уже начали закапывать могилу, а траурная колонна направилась к машинам.

Я сел, как и прежде, в папину машину на пассажирское сидение, мать села сзади. На какое-то время взгляд моего отца притупился, он замер, не повернув до конца ключ зажигания. Это была минута, в которую каждый осознал, что прежней жизни уже не будет.

Родители молчали всю дорогу. Мы ехали домой погрузившись в свои мысли о произошедшем. Опять же по традиции полагалось еще провести поминки. Благодаря помощи моей тети всё уже было к этому готово. Большая часть машин разъехалась по домам, остались только те, кто действительно меня уважал и ценил.

В гостиной поставили длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, а рядом с ним и мою фотографию с черной траурной лентой в уголке.

Никто не кричал в этом доме сегодня, не смеялся

и не улыбался, а когда разлили первую, отец встал и начал говорить:

– Знаете, Артем всегда был не очень послушным ребенком. Сколько мы с ним ссорились из-за этого... Сколько раз я наказывал его, и всё тщетно. Но у него всегда было свое мнение, которое он отстаивал до последнего. Мой сын всегда поступал так, как считал нужным, и за это я его всегда уважал, хотя и не говорил этого. Прости меня, сынок! За всё прости! – с этими словами отец проронил свою скупую мужскую слезу и выпил горькую.

«Если бы ты знал, пап, как я гордился тобой. Если бы ты мог меня услышать сейчас», – сказал я, пожалуй, только самому себе.

После этого все по одному начали произносить теплые слова. Друзья говорили о наших совместно пережитых историях. Родственники вспоминали меня в детстве. А я сидел у своей фотографии и улыбался. Почему-то слушая их, мне вдруг стало так радостно, словно я не умер и сижу среди своих друзей и родственников такой же живой, как они.

Из всей этой компании не выпил ни грамма только один человек. Это был Саня – еще один мой хороший товарищ. Не помню случая, чтобы он меня хоть раз подвел. Такой уж он был, надежный и всегда правильный в моем представлении.

По мере возрастания градуса повышался и тон всех речей. Я и не заметил, как между Славой и Саней вспыхнул кон-

фликт.

«Ну, конечно, вы еще подеритесь на моих похоронах», – ляпнул я, и, словно услышав мой голос, они сцепились, как два разъяренных пса в клетке.

Неприятный инцидент, конечно, но со стороны мне даже было интересно посмотреть, кто кого победит. Эта драка закончилась быстро. Бойцов растащили, и отец дал всем понять, что стоит расходиться по домам.

Потихоньку дом начал пустеть. И к четырем часам вечера в нем остались только мои родители и я, если меня вообще можно считать за оставшегося.

Мать поднялась к себе в спальню, она явно очень устала и нуждалась в отдыхе. Отец посидел немного у моей фотографии и отправился вслед за ней.

«Ну вот и всё, – подумал я, – что мне делать дальше?» И в ту же минуту мой взгляд бросился на маленький листок цветной бумаги, лежавший на полу. Я присел пониже и начал читать.

«2 ЯНВАРЯ В 17:00 СОСТОИТСЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ В ЧЕСТЬ ПРАЗДНОВАНИЯ НАСТУПИВШЕГО 2016 ГОДА. ЭТО ПРИГЛАШЕНИЕ ДАЕТ ВАМ ПРАВО ПОСЕТИТЬ ЕГО В УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ. КОНЦЕРТ ПРОЙДЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДВОРЦЕ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОСЬБА НЕ ОПАЗДЫВАТЬ».

Вдруг меня как осенило. Ведь это тот самый концерт, на котором должна выступать Ева. Я все-таки смогу сдер-

жать обещание, и неважно, что она меня не увидит. До концерта оставалось чуть более получаса. Я бросился в путь.

Глава 3. Моцарт

трамвайная остановка была совсем недалеко от родительского дома. Я развил немалую скорость, понимая, что даже при жизни так быстро не бегал. Мертвому человеку невозможно сбить дыхание или почувствовать боль в боку. Пара минут, и трамвай подъехал, скрипя старыми колесами. Народу внутри вагона было немного, все-таки мы отмечаем Новый год все десять дней, занимаясь поглощением недоеденных салатов и недопитых запасов алкоголя.

Полная кондукторша средних лет сверлила глазами всех пассажиров, будто пыталась разглядеть меня и заставить заплатить за проезд. Только теперь я не совсем платежеспособен, ведь у призраков вечный проездной.

Зимой в наших краях темнеет рано. С момента появления сумерек мне стало понятно, что уже почти пять часов. Обычно я всегда опаздываю на встречи или работу, но как мне не хотелось опаздывать сегодня! А что, если она будет выступать первой? Мне вдруг представилось лицо Евы, как она смотрит в зал и думает о вчерашнем незнакомце, который пообещал прийти и не пришел. Но я сдержу слово, даже будучи на том свете.

В динамике забормотал старый прокуренный мужской голос:

– Остановка «Художественный дворец имени Льва Тол-

стого».

Не дожидаясь открытия дверей, я выскочил из вагона. Жаль, нет часов на руке, неизвестно, сколько осталось времени. Но всё оказалось нормально. На входе у гардеробной еще толпились люди, а это значило, что я успел.

Рядом с дверью в зал стояла старая билетерша, и никто бы не прошел через нее без билета. Только меня ей не удастся остановить.

– Пойдите, молодой человек! – произнесла она.

– Это вы мне? Вы что, видите меня? – изумился я на секунду.

– Где ваш билет?

– Понимаете, я умер. – В этот момент я услышал параллельный ответ кого-то еще.

– Он в куртке остался, сейчас принесу, – сказал парень, стоявший за моей спиной.

Так вот в чем дело, а я было подумал, что эта билетерша и мертвого не пропустит.

В зале было много народу, но мест всё равно хватало. Я присел поближе к сцене, и свет погас. Как всегда, с грохотом из колонок раздались знакомые праздничные фанфары. Затем занавес раскрылся, и посередине сцены у микрофона оказался невысокий лысоватый конферансье.

– Здравствуйте, уважаемые дамы и господа. Рад приветствовать вас в этом зале живыми и здоровыми, веселыми и счастливыми, – выразительно произнес он в микрофон.

«Ну конечно, я-то сейчас живой, здоровый, изнываю от веселья, а уж какой счастливый... Ты себе даже не представляешь, старый осел», – подумал я про себя и ухмыльнулся.

– Сегодня мы с вами как следует вспомним год уходящий и познакомимся с годом новым. Давайте начинать! – с этими словами конференсье удалился за кулисы. Включилась тихая спокойная мелодия, и на сцену вышла молодая девушка в красном платье. Нет, это точно не Ева, ее я не спутал бы ни с кем. Девушка пела песню про Новый год, а я уже ждал следующий номер, лишь бы поскорее увидеть ту, ради которой призрак пришел на концерт живых.

В зале было темно, я даже не видел, кто присел на соседнее кресло рядом со мной, но каким-то образом ощущал присутствие еще одного зрителя по правую руку. Да это и неинтересно, кто бы он ни был, мы друг другу не помешаем.

Следующим номером выступали дети из детского дома, об этом объявил всё тот же лысый конференсье. На сцену вышли пять мальчиков и одна девочка лет десяти. Меня поразило, как они хорошо поют. Сказал бы, что душа радуется, но теперь я даже не представлял, что вообще можно подразумевать под словом «душа».

Время всё шло, номер сменялся номером. Клоунские представления сменялись песнями, затем начались фокусы, танцы, комедийные сценки и снова песни.

«Что-то явно не так, – подумал я, – может, она меня обманула? Сказала про этот концерт, в котором не участвует. Написала на руке номер, которого не существует». Хотя почему-то в это не верилось. Уж слишком сложная схема, чтобы просто отшить парня. Она должна появиться! Должна!

К зрителям снова вышел конференсье и стал произносить прощальные слова, которыми обычно подводят к последнему номеру. Заиграла веселая музыка, и все выступавшие вышли на сцену для исполнения финальной песни.

Я внимательно вглядывался в лица всех артистов, но, так и не увидев ее, произнес вслух: «Ну где же ты, Ева?»

– Ева? Кто эта Ева? – слышался звучный мужской голос справа от меня.

В этот момент в зале зажегся тусклый свет, чтобы зрители начали покидать свои места. Повернувшись, я увидел зеленоглазого брюнета лет тридцати, который с удивлением ждал ответа на свой вопрос. Меня немного одернуло.

– Вы это мне сказали сейчас? – отвечал я, находясь в полном изумлении.

– Что сказал? По-моему, это ты сейчас то и дело говоришь, а я просто спросил, кто такая Ева.

– Да, но как вы можете меня слышать и видеть, если я мертв? Я неживой, понимаете? И вы первый, кто со мной говорит с момента моей смерти, то есть со вчерашнего дня.

Почти все зрители уже покинули зал, занавес закрылся, и незнакомец ответил:

– Новичок. Ну я так и подумал. Все поначалу удивляемся. Ты ведь не думал, что, кроме тебя, никто не живет после смерти?

– Честно говоря, я уже начал об этом задумываться.

– Прекрасный концерт, не правда ли? Меня зовут Моцарт. Буду рад ввести тебя в курс дела.

– Ты что, тот самый Моцарт, который музыкант? – вновь с удивлением произнес я.

– Конечно, нет, тот Моцарт уже давно в другом мире. У меня просто прозвище такое. Я при жизни на пианино хорошо играл, – смеясь ответил он.

– В каком это мире? Есть еще какие-то миры?

– Друг мой, ты задаешь очень много вопросов, но давай начнем с того, что я узнаю твое имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.